

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В88

Вульф, Виталий Яковлевич.
В88 Серебряный шар. Драма за сценой / Виталий Вульф. – Москва :
Яуза : Издательство «Э», 2016. – 512 с. – (Наследие Виталия Вульфа.
Бессмертные книги знаменитого телеведущего).

ISBN 978-5-699-85291-8

«Мне в жизни очень повезло, я встречался со многими талантливыми
и выдающимися людьми, дружил с ними, любил их...»

В этой книге вы найдете не только биографии великих артистов, па-
мятные миллионам телезрителей по авторской программе Виталия Вульфа
«СЕРЕБРЯНЫЙ ШАР», но и личные воспоминания знаменитого телеведу-
щего – о времени и о себе, о незабываемых людях, с которыми ему повезло
общаться, о встречах и разлуках, подарках и ударах судьбы.

«Напрасно говорят, что время всё исцеляет. Конечно, что-то зарубцо-
вывается, но иногда старые раны начинают ныть, и думаю, что эта боль
умирает только с человеком...»

Но, несмотря на разочарования, которых «было немало», эта книга –
не сведение старых счетов, а признание в любви – к жизни, к прошлому, к
искусству и людям искусства, ставшим гордостью русского театра и миро-
вой культуры.

«Детство и театр спасали меня на всех жизненных дорогах...»

«Ничего не проходит бесследно, и всё, что мы проживаем, остается в
нас, на нас, и грим прожитого лежит на лицах...»

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-85291-8

© Вульф В., 2015
© ООО «Издательство «Яуза», 2016
© ООО «Издательство «Э», 2016

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Литературно-художественное издание

НАСЛЕДИЕ ВИТАЛИЯ ВУЛЬФА
БЕССМЕРТНЫЕ КНИГИ ЗНАМЕНИТОГО ТЕЛЕВЕДУЩЕГО

Вульф Виталий Яковлевич

СЕРЕБРЯНЫЙ ШАР
ДРАМА ЗА СЦЕНОЙ

В авторской редакции

Ответственный редактор *Л. Незвинская*
Художественный редактор *Е. Гузнякова*

ООО «Яуза»

109507, Москва, Самаркандский б-р, д. 15
Тел.: (495) 745-58-23, факс: 411-68-86-2253.

ООО «Издательство «Э»

123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел. 8 (495) 411-68-86.

Өндіруші: «Э» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Ресей, Зорге көшесі, 1 үй.

Тел. 8 (495) 411-68-86.

Тауар белгісі: «Э»

Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының

өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3-а, литер Б, офис 1.

Тел.: 8 (727) 251-59-89/90/91/92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107.

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Сертификация туралы ақпарат сайтта Өндіруші «Э»

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ
о техническом регулировании можно получить на сайте Издательства «Э»

Өндірген мемлекет: Ресей

Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 24.12.2015. Формат 60х90^{1/16}.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 32,0.

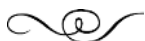
Тираж экз. Заказ

ISBN 978-5-699-85291-8

Предисловие

Эта книга не имеет никакого отношения к импровизационным текстам, произносимым автором «Серебряного шара» в своих программах, — в марте 2003 года должна быть сотая.

В ней собраны портреты прославленных актеров старого Художественного театра, звезд кино и балета и русских знаменитостей, оказавшихся за рубежом. Одни очерки и эссе никогда не печатались, другие переиздаются заново с существенными дополнениями, третьи оставлены в неприкосновенности.

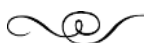
Но главную часть книги составляют мемуары. Они названы «Преодоление себя». Их познавательное значение в том, что они обезоруживающе откровенны и крайне субъективны, что не приводит к нарушению исторической правды, а, наоборот, дает представление о многих периодах жизни, начиная с конца 30-х годов двадцатого века до нынешних дней.

В воспоминаниях я писал о людях, с которыми меня сталкивала судьба. «Преодоление себя» — не летопись и не исповедь, а скорее записи о том, что вспомнилось.

Виталий Вульф

Часть 1

ПРЕОДОЛЕНИЕ СЕБЯ

ЧТО ВСПОМНИЛОСЬ

Я учился в школе в первом классе. У меня даже сохранились отметки за первый класс, все пятерки, но только — за четвертую четверть, потому что я поступил в школу, когда первые три четверти уже прошли. Мой отец, знаменитый бакинский адвокат, Яков Сергеевич Вульф, обожавший меня, — естественно, и я его очень любил — был убежден, что в школу отдавать меня опасно: там могут быть инфекции, сквозняки, а образование можно спокойно получить дома. У него были явно дореволюционные понятия, но мама настаивала, и противиться ей он не мог.

В городе все знали папу, знали наш дом по улице Хакани, 18; помню, что, когда хоронили отца, трамваи не ходили и у дома было столпотворение. Несчастье случилось 25 января 1956 года. Оно резко изменило всю жизнь семьи.

В детстве мной занимались папа, мама и Елизавета Августовна, немка, моя воспитательница, она многому научила меня, но немецкий с годами я забыл и теперь,

Часть 1. Преодоление себя

когда слушаю немецкую речь, понимаю только отдельные фразы.

Еще были живы мои любимые тети, папины сестры, Ида и Белла. Это были люди совсем другой формации, воспитанные в дореволюционных правилах жизни, как и папа. В Баку они оказались случайно, хотели эмигрировать, уехать из России через Иран или Турцию. Приехали после тягот Гражданской войны и решили в Баку передохнуть. Там было спокойно. Море, солнце, шумные базары, фаэтоны, старьевщики покупали старые вещи, по утрам во дворах кричали: «Мацони, молоко». И ничто не предвещало горя и беды. Ида и Белла сняли этаж в старой крепости, Замковский переулок, 23; это была зала, разделенная на три части, с кухней. Дом принадлежал какому-то азербайджанскому хану, с балкона был виден Приморский бульвар. Фрукты, овощи и никаких революций. В Баку они и застряли. Всё откладывали отъезд, у них на руках уже были паспорта, когда пришла Красная армия. В Баку они остались на всю жизнь.

Сохранилась справка — по архивным материалам бакинского отдела здравоохранения значится: «Вульф Белла Израилевна назначена 2 марта 1925 года на должность зубного врача в 1-ю Совлечебницу г. Баку». В ней Белла проработала до 1974 года, в 1975-м она умерла. А бежали они из Екатеринослава (ныне Днепропетровск).

Папа учился в Москве, в Московском университете, на юридическом факультете, очень дружил с Владимиром Гайдаровым, который учился курсом старше. Этот человек неземной красоты впоследствии стал артистом Московского Художественного театра, мужем прославленной в те годы актрисы МХТ Ольги Владимировны Гзовской, любимицы Станиславского, она была намного старше Гайдара. После революции они эмигрировали, в 1932 году вернулись в Россию, судьба сложилась далеко не благополучно.

Папа через Гайдарова пристрастился к Художественному театру, который очень полюбил и хорошо знал. Я был совсем маленьким, когда он рассказывал мне о своей любимой актрисе Марии Николаевне Германовой, о том, как она играла Ольгу в «Трех сестрах», Екатерину Ивановну в одноименной пьесе Леонида Андреева, Катю в пьесе Мережковского «Будет радость» и особенно — Грушеньку в «Братьях Карамазовых». Рассказы отца о Книппер-Чеховой, Станиславском (он их видел не один раз в «Месяце в деревне» Тургенева) врезались в память навсегда. Мы сидели в столовой за круглым обеденным столом, и я ждал, когда папа вернется с процесса, отдохнет и будет мне рассказывать о Москве — о своем отношении к искусству, о своих «университетах».

Квартира была коммунальная. За стеной с десяти утра слышалось пение. В большой светлой комнате жила София Кононовна Гольская¹, профессор кафедры вокального мастерства Бакинской консерватории. Почти все ее ученики после консерватории становились солистами Бакинской оперы.

Концертмейстером в опере была мама знаменитой впоследствии пианистки Беллы Давидович, родившейся в Баку и ставшей гордостью города и страны. Люся Исааковна Ратнер прожила почти сто лет и умерла в 2002 году в Нью-Йорке, куда эмигрировала вместе с младшей дочерью Аллой. Алла Давидович до отъезда была концертмейстером Большого театра. Семья переехала в США после отъезда за границу Беллы Давидович.

С Беллой мы подружились в 50-х годах, хотя знакомы были с детства. Помню, как ее отец, Михаил Наумович, военный врач, гулял с 12-летней девочкой в

¹ С.К. Лысенко-Гольская, племянница композитора Н.В. Лысенко.

Часть 1. Преодоление себя

красном пальто и все прохожие на нее оборачивались. Она была «вундеркиндом» и в 10 лет уже играла с оркестром Бакинской филармонии концерты Грига и Шопена. В 1949 году она получила 1-ю премию на международном конкурсе пианистов имени Шопена в Варшаве и началась ее концертная жизнь. Вскоре она вышла замуж за выдающегося скрипача Юлиана Ситковецкого, счастливо прожила с ним несколько лет. Но вскоре он умер, и Белла осталась вдовой в 28 лет. В 1954 году у них родился сын, теперь он живет в Лондоне, замечательный музыкант, скрипач, дирижер, остроумный, легкий, талантливый человек, совсем по характеру не похожий на Беллу, но всегда восхищавшийся ее искусством. Диму — Дмитрия Ситковецкого — отличают ум, обаяние и взыскательность художника. Идеал музыканта для него — мать, с каждым днем все более требовательная к себе.

Но не только в глазах сына и не только своим талантом Белла Давидович вызывает восхищение. Женственность и человеческое очарование, умение быть естественной с разными людьми помогали ей на всех перекрестках судьбы. После смерти Юлика она никогда не выходила замуж, но в нее влюблялись, ее любили, и она отвечала взаимностью. Счастливой развязки в ее романах не было, и она осталась одна. Когда Дима эмигрировал из России, Белла последовала за ним. Теперь она постоянно живет в Нью-Йорке, изредка играет в Большом зале консерватории в Москве и по-прежнему больше всего на свете любит Баку.

София Кононовна, как и мои тети, попала в Баку случайно. Она не хотела, чтобы революция вмешивалась в ее жизнь, и уехала из Санкт-Петербурга в Баку, где ее богатые родственники владели нефтяными скважинами и домами. Юность она провела в Италии, училась пению, и Милан был для нее и раем, и школьной скамьей. По-

том вернулась в Россию, вышла замуж и много пела на провинциальных оперных сценах. Когда она приехала в Баку, уехать в Тегеран уже было невозможно. Она осталась жить в той самой комнате, которую предоставили родственники на короткий срок перед отъездом за границу.

После прихода в Баку Красной армии, естественно, все изменилось, София Кононовна стала преподавать и жила одиноко, поддерживаемая моей мамой. Мама приносила ей в комнату обеды, готовила для нее ужин, подолгу беседовала с ней. Меня София Кононовна научила любить музыку, особенно вокальную. В те годы я хорошо знал оперы, у меня до сих пор сохранились партитуры из ее библиотеки и романсы великих композиторов, напечатанные в дореволюционных типографиях. Со мною она проводила много времени. Рассказывала о Боттичелли, Джотто, ко дню рождения — я был, кажется, в шестом классе — подарила книгу Муратова «Образы Италии». Она знала итальянский язык и, кроме пения, любила живопись. Я на всю жизнь запомнил ее восторг перед Римом. «Любая стена, любая улица ничем не примечательного дома в Риме прекрасны», — говорила София Кононовна. Осознал это я спустя полвека.

Вернувшись из последней поездки в Рим, я открыл ящик, где храню фотографии, и внимательно вглядывался в лицо умной, интеллигентной женщины, родившейся в девятнадцатом веке и отдавшей все знания и умения молодым азербайджанским певцам, многие из которых ныне в Баку почитаются классиками.

Она не верила в возможность счастья в Советском Союзе, очень боялась властей и о прошлом старалась не вспоминать. Шепотком первая рассказала мне о Троцком и Ленине, о том, что Октябрьская революция есть никакая не революция, а обыкновенный переворот, что

немцы умышленно решили ослабить Россию, чтобы победить в войне, и послали в нее большевиков, устроивших революцию. С папой она говорила по-немецки. В 1917—1918 годах она была подавлена, растеряна, с трудом добралась до Баку и, как я теперь понимаю, долго не могла освободиться от ощущения одиночества и необходимости искать выход из создавшегося положения. Она приехала тогда, когда ее родственники уже покинули Баку и в городе оставалась только двоюродная сестра, отдавшая ей свою комнату и убедившая ее передохнуть, прежде чем двинуться в путь.

Я всегда помню Софию Кононовну, помню, как горько переживал ее внезапную смерть в 1946 году; я был к ней очень привязан, и она сыграла немалую роль в моем становлении. Ее любимую оперу — «Царская невеста» — я знал наизусть, арии из опер Верди и Пуччини то и дело звучали за стеной, а вечерами она брала меня в оперный театр, когда пели ее любимцы: Идрис Агаларов, Мария Титаренко, Татьяна Бадирова (она теперь живет в Москве), делясь со мной, как со взрослым, своим недовольством или гордясь, что партия спета первоклассно.

Тогда в Баку был очень сильный оперный театр. Пела Нина Валацци в «Тоске» необыкновенно (судьба забросила ее в Баку случайно), Фатма Мухтарова была неподражаемой Далилой и Кармен, Книжников остался в памяти в партии Скарпия в «Тоске», и я под влиянием Софии Кононовны решил учиться музыке и вскоре стал брать домашние уроки по классу рояля — в двенадцать лет. Учился я года четыре, не больше, особых музыкальных способностей у меня не было, но знание музыкальной литературы помогло впоследствии, хотя, конечно, это знание носило дилетантский характер. Любил, как она давала уроки, учила фразировке, смыслу того, что поют. Она — будучи человеком совсем другой эпохи —

принимала и классическую, и современную музыку. Любила «Индусские мелодии» Василенко для высокого голоса, скрипки и фортепиано, романсы и песни Даргомыжского. В свое время я наизусть знал романс Бородинна «Отравой полны мои песни» на слова Гейне и романс Шумана «Из старых сказок манит». От привязанностей и вкусов детских и ранних юношеских лет я не могу освободиться — они засели в памяти на всю жизнь.

Я очень долго искал себя. Оперы, балеты, драматические спектакли — все занимало воображение. Говорят, что у каждого человека есть своя «линия жизни», наверное, она существует, но одни ее осознают раньше, другие позже. Судьба складывается не только из желаний, идей, но и из реальных обстоятельств. Их мне приходилось очень долго и не всегда успешно преодолевать. Только верность тому, что любил с детства, помогла выжить, но привычки тех лет остались позади.

Тети мои были очень рады, что я целыми днями проводил в комнате у Софии Кононовны, а не бегал по двору. Они не переносили матерщины, и все, что чертыхалось, покрикивало и притоптывало, пугало их. Они все время жили в тревоге, хотя внешний быт сохранялся. С новым стилем жизни они не могли примириться, хотя и жизнь в дореволюционные времена не казалась им потерянным раем.

Тети жили не с нами, а отдельно, у них не было своих детей, и они, как и папа, считали, что мне (я был очень худенький болезненный мальчик, похожий на Буратино) прежде всего нужны соки, больше бывать на воздухе, дышать кислородом в Кисловодске и иметь домашних учителей, а не ходить в школу, где бог знает кто учится.

Мама была бакинка, папа приехал в Баку в 1924 году по делу повидаться со своими, встретил маму, женился через месяц после знакомства и тоже остался в Баку

Часть 1. Преодоление себя

навсегда. Маму он очень любил, они прожили 32 года, мама осталась вдовой в 55 лет, она была еще очень привлекательной женщиной с великолепной фигурой, элегантной, умела одеваться, даже когда не было никаких возможностей. У нас подолгу работала Мария Федоровна Зрютина, домашняя портниха, милая, уютная, и перешивала платья из старых, творя чудеса.

Мама была очень умным человеком, трезво смотрела на происходящее вокруг и обладала волей, умея находить выходы из безвыходных ситуаций. Думаю, что без нее папа погиб бы с его взрывчатостью, нервами и талантом, а папа был удивительно талантливым человеком, ораторский дар, данный ему природой, действовал безотказно, но жилось ему нелегко. В годы борьбы с космополитизмом, точнее в 1948-м, он был исключен из коллегии адвокатов, остался без работы, и мы жили на то, что мама вязала кофточки, правда, заказы от модных бакинских дам сыпались на нее. Отец часами вышивал, заложив руки за спину, по столовой и переставал это делать только тогда, когда мама начинала давать уроки русского языка. Ученики приходили к ней с девяти утра. До шести она была занята, при этом успевала готовить, потому что в те годы работницы у нас не было. Я уже жил в Москве, мне посылали деньги на жизнь и скрывали все трудности, которые выпали на их долю.

Мамины братья были расстреляны в 1937 году, их жены сидели в лагерях как жены врагов народа, они просидели каждая по восемнадцать лет, и мама все эти годы раз в два месяца посылала им посылки — чаще не разрешалось. Посылки можно было посылать только со станции Баладжары (около Баку), из Баку это делать было нельзя, и мама вставала очень рано и ездила туда, чтобы успеть занять очередь и выстоять целый день. Иногда она меня брала с собой. Мне было тогда лет де-

сять. И в годы войны она продолжала это делать. Я уже уехал в Москву, а мама по-прежнему посылала им посылки и писала письма в Акмолинск, Дейче (жене одного из маминых братьев), и Вите (так звали жену другого маминного брата), она сидела в Потье. Это был огромный женский лагерь заключенных.

Приезжала мама из Баладжар измученная, с серым лицом, но никогда не жаловалась. Папа нервничал, боялся за нее, за себя и постоянно ждал очередной беды. Несколько лет он был не у дел, от меня всё скрывали, и я случайно узнал, что отец без работы. Когда его восстановили в коллегии адвокатов, он уже был болен. Смерть Сталина встретил как несказанную радость. Родители с удивлением смотрели на тех, кто рыдал, узнав о смерти вождя.

Помню, я приехал домой в Баку 9 марта 1953 года и рассказывал, как мы вместе с моим товарищем университетских лет Эрнестом Коганом (впоследствии он стал известным московским адвокатом, защищал Синявского на знаменитом процессе Синявского и Даниэля в 60-х годах) простояли почти весь день на Пушкинской улице (теперь Большая Дмитровка) и все-таки попали в Колонный зал и увидели Сталина в гробу. Нам это удалось, потому что в те годы я жил на улице Немировича-Данченко в квартире мхатовского актера Вишневого в мхатовском доме, и это было совсем близко от Колонного зала. Мы с Эриком встали около одиннадцати часов утра в очередь к Колонному залу, когда еще было неизвестно, в котором часу будут пускать, и около семи часов вечера прошли в колонне к сталинскому гробу. Мы не угодили в ту свалку, которая была на Трубной площади, когда погибали люди в толпе, пытаясь протиснуться в Колонный зал. Москва была взбудоражена. В воздухе дрожали слезы, слышались безудержные рыдания.

Часть 1. Преодоление себя

Я был удивлен, что в гробу лежал человек маленького роста, я всегда видел его на портретах мощным, могущественным, со всепроникающим взором.

Когда я вернулся домой, то застал странную картину: за круглым столом сидели Наталиша, Наталия Александровна Вишневская, дочь мхатовского актера, ее брат, Александр Александрович, с женой Наталией Ивановной (они в 1952 году вернулись из Рима) и пили водочку. Выслушав мой рассказ, как мы с Эрнестом стояли в очереди в Колонный зал, они, оживленные, отправились к Ольге Леонардовне Книппер-Чеховой в соседний подъезд, где она жила. Настроение в доме было приподнятое. На следующий день я поездом уехал к родителям в Баку.

Папа привел меня в театр, когда мне было лет семь, — и я потерял голову. Мечтал стать актером. Научившись читать, брал пьесы в детской библиотеке. Влюбленность в театр началась очень рано и никогда уже не покидала меня. В детстве со мной больше всего возился папа. Родным и близким друзьям это было странно, потому что, когда я родился, папа не обращал на меня поначалу никакого внимания. Он страстно любил маму, не хотел иметь никаких детей (я родился на седьмой год их брака) и вскоре после моего рождения уехал в Германию в длительную командировку: он тогда работал в бакинском банке, и поездки за границу из Баку еще были возможны. Когда мне исполнилось два года и я начал что-то лепетать, папа обратил на меня внимание, отстранил всех и занимался мною всю оставшуюся жизнь.

Это было самое счастливое время, отец баловал меня, позволял мне делать все, что хочу, и, наверное, какая-то избалованность и эгоизм во мне сохранились от того давнего времени. Папа водил меня в школу, приходил за мной. Одного меня не пускали на улицу до девятого

класса. Я уже был взрослым человеком, когда старые бакинские судьи вспоминали, как папа во время судебных заседаний просил перерыва около двенадцати часов дня и все знали, что ему надо мчаться домой кормить меня, потому что я очень плохо ел и только он один мог заставить меня что-то съесть.

Уроки со мной делали папа, Ида, Белла, реже мама. Она была строгой, и только ей я должен быть благодарен, что рано научился читать, писать, брал уроки музыки и английского языка.

Мама, Елена Львовна Вульф (урожденная Беленькая), кончала филологический факультет Бакинского университета. У меня сохранилась ее зачетная книжка, она была любимой ученицей поэта Вячеслава Иванова, он из Баку уехал в Италию. Это было в 1924 году.

Знаю, что первое время от Иванова в Баку приходили вести. Он описывал, как в кафе «Флориана» в Венеции на площади Сан-Марко встретил художницу Александру Экстер. Это было самое знаменитое кафе в Венеции, таким оно и осталось; в нем сживали за чашкой шоколада Гольдони, Гоцци. Иванов описывал Венецию с ее сотнями таинственных каналов, с домами семнадцатого века, в которых люди живут как в самых обыкновенных домах, только, выходя из подъездов, сразу садятся в лодки. Фисташковое небо, розоватая вода, мостики, фонтаны, колонны. В следующем письме он описывал поездку в Мурано, сотни стеклодувов, маленькие очаровательные магазинчики, продающие венецианское стекло. Рим казался Иванову очень спокойным городом, первое время он бывал в посольстве Советского Союза, потом перестал бывать там, а вскоре и писать, и уже до конца своей жизни мама о нем почти не имела вестей, только, когда сын мхатовского актера А.Л. Вишневого вернулся из